

Или и уже

13 февраля 2017

И. Б. Иткин: Добрый день, друзья! Во-вторых, меня просили попросить вас отключить мобильные телефоны и подобные им устройства или хотя бы звук на них. Это, конечно же, во-вторых. Во-первых, Александр Юрьевич меня спросил: «Ну, Вы представите?». Я сделал очень умное лицо и сказал: «Представлю». Потому что вы не представляете себе, насколько не только приятно, но и легко выполнить эту просьбу. Сегодня по многолетней традиции, которая, как мы очень хотим и очень надеемся, будет продолжаться всегда, в гостях у школы «Муми-Тролль» Андрей Анатольевич Зализняк.

А. А. Зализняк: У меня действительно длинная традиция рассказывать в этой аудитории разные популярные, развлекательные и прочие сведения. На сей раз я собрался сделать это в не совсем традиционном стиле, поскольку это не популяризация чего-то очень известного, а, скорее, пока что довольно неизвестные вещи, которые, однако же, надеюсь, мне удастся вам изложить так, что вы какой-то смысл в этом увидите.

Меня уже несколько раз спрашивали, что за странное название этого сегодняшнего рассказа — «*Или и уже*». Ну, такого рода названия иногда бывают полезны, чтобы коротко намекнуть, о чём пойдёт речь, хотя в данном случае это, конечно, сразу не очевидно. Сейчас довольно много существует лингвистических работ, которые имеют примерно такое же название, скажем «Слово *бояться*». Но практически все такие работы, которые мне известны, касаются содержательной стороны слов: это детальный анализ значения того слова, которое ставится в заголовке. В данном случае ничего о значении слов *или* и *уже* я говорить не буду, буду говорить только о внешней стороне. Как выяснилось, с этими словами связана некоторая лингвистическая задача, очень неочевидная, с очень непонятным решением, а именно касающаяся того, как эти слова исторически получили тот вид, который мы сейчас имеем.

Сейчас эти два слова чисто внешне, вообще говоря, похожи во всём — с точки зрения количества слогов, порядка гласных и согласных и

прочего — с разницей только в том, что *и́ли* — ударение на первом слоге, *ужé* — ударение на втором слоге. Выдающийся секрет этих двух слов состоит в том, что, как показывают соответствующие наблюдения над историей русского языка и памятниками, которые отражают предыдущие состояния, в частности предыдущие состояния ударения, до петровского времени ударение было строжайшим образом *или́* и никогда не *и́ли*. *Или* появляется только в начале XVIII века и быстро побеждает. И наоборот, примерно до того же времени, до последней трети XVII века, не было никогда никакого ударения, кроме *уже́*: *уже́*, *ужели*, *неужели*. И только в конце XVII века появляется новое ударение *ужé*, а в XVIII веке оно побеждает, и сейчас мы уже не знаем никакого другого ударения. Вот такой совершенно поразительный факт, что эти два слова претерпели зеркальное изменение в ходе истории, причём примерно в один и тот же период истории русского языка.

Действительно, немножко загадочно. Никакое подозрение о том, что вообще двусложные слова такого рода испытывали переход туда или сюда, конечно, невозможно — хотя бы потому, что тут один переход в одну сторону, а другой — в другую. Конечно, лингвисту интересно, каким образом это могло произойти и что могло побудить к тому, что в истории русского языка эти два слова зеркально поменяли своё ударение, причём так прочно, что вы сейчас совершенно не сомневаетесь в том, что надо говорить *ужé* и *и́ли*. Древние ударения *или́* и *уже́* на вас производят впечатление чего-то странного и совершенно вам чуждого. Но выясняется — что, впрочем, нормально практически для любого серьёзного лингвистического исследования, — что попытка решить эту проблему напрямую, в лоб, скажем путём исследования всех контекстов, где встречается в истории русского языка *или* и где встречается *уже*, не даёт ничего, кроме прямой констатации, что дело было именно так. Во всех памятниках примерно до конца XVII века ударение будет *или́* и *уже́*, а во всех памятниках XVIII века уже будет наоборот. И сколько бы вы примеров ни брали, дальше этой констатации вы никуда не продвинетесь. Для того чтобы по-настоящему понять что-то большее, чем просто факт, что это было так, а не иначе, как выясняется, нужно намного, намного шире захватить в своем анализе лингвистический материал, чтобы, быть может, докопаться до каких-то объяснений того, как это могло случиться.

Поэтому сегодня я буду рассказывать вам об этом довольно подробно, и надеюсь, что в конце концов покажу вам, каким образом можно объяснить эти два зеркально обратных друг другу перехода. Но для того, чтобы вам это попытаться показать, я должен — боюсь, что 4/5 времени — говорить о другом. Поэтому я как бы покидаю в данный момент непосредственно рассказ о словах *или* и *уже* и пойду длинным путём, который, как я надеюсь, нас приведёт к тому, что в конце концов мы поймём, как решается вопрос об этих двух словах. Говорить всё время придётся о вещах более широких и довольно далёких.

Попутно скажу, что изучение истории ударения — это такое очень интересное и плодотворное поле для лингвиста, прежде всего потому, что ударение может довольно быстро меняться. Иногда ударение какого-то слова может смениться за такой кратчайший лингвистический срок, как лет сорок; иногда за сто лет, иногда за двести. Это очень маленькие сроки для лингвиста, потому что в других областях языка сроки совершенно другие, что-то меняется за тысячу лет, что-то меняется, допустим, за семьсот лет, что-то меняется за две тысячи лет — то есть гораздо медленнее. В этом смысле я бы сравнил изучение ударения для лингвиста с изучением дрозофилы у генетиков. Почему такая жалкая, несчастная мушка дрозофила так ценна для генетиков? Потому что она даёт следующее поколение с огромной скоростью. Можно получить сто поколений дрозофилы за считаное число дней. И в результате все исследования необычайно ускоряются. Ну, с таким коэффициентом ускорения, конечно, здесь мы дела не имеем, но всё же некоторое сходство есть, поэтому занятие ударением, действительно, очень много даёт лингвисту в том смысле, что мы узнаём не только более точно про какое-то слово, как оно акцентуировалось, но и некоторые общие обстоятельства того, как вообще происходят изменения в языке. С этим отступлением я начинаю своё длинное плавание, которое в конце концов должно привести вас к тому, чтобы эти как будто бы совсем частные вопросы попробовать решить.

Сперва совсем дальнее отступление из чистой общей лингвистики: о типах изменений внешней стороны слова. Мне уже доводилось об этом рассказывать в этой же аудитории, но немножко, конечно, состав был другой, поскольку каждый год он меняется. Несколько лет назад я рассказывал, в частности, о том, что главное разделение всех возможных внешних изменений в истории языка — это деление на изменения фонетические и нефонетические. Фонетические — когда изменяются какие-то звуки. Например, когда-то в русском языке та форма, которая сейчас выглядит как *буду*, звучала как [бо^ндо^н] — с двумя носовыми *о*, как во французском языке. А со временем оно стало звучать как [буду] — вот такое произошло фонетическое изменение. С другой стороны, бывают изменения нефонетические — например, когда-то родительный падеж от слова *гость* был *гости*: говорилось, скажем, *у нашего гости*, а сейчас говорится *у нашего гостя*. Здесь тоже как бы *и* изменилось в *а*, но это, конечно, не переход *и* в *а* — просто одно окончание сменилось на другое. Это не фонетическое изменение; в данном случае это замена морфем.

Это главное деление. Но сегодня нас будет интересовать более узкое, более частное деление, а именно подразделение внутри фонетических изменений. Это гораздо менее обсуждаемая обычно проблема. Фонетические изменения отчётливо подразделяются на две категории.

Допустим, какая-то фонема А изменилась в фонему Б в ходе истории, за какой-то промежуток времени. Оказывается, что главный критерий, разделяющий два типа изменений, состоит в следующем: в тот поздний этап, когда уже нужно произносить Б, а не А, поскольку произошло изменение, может ли простой носитель языка (не лингвист, предупреждаю! — потому что лингвист благодаря своей профессиональной подготовке может произнести многое такое, что для родного языка неестественно) произнести также и А, которое было в начале этого изменения? И вот оказывается, что на этот вопрос может быть два разных ответа. В одних случаях это изменение, где да, может, а в других случаях — где нет, не может. Например, то самое [бо^ндо^н], которое было когда-то в истории русского языка и которое превратилось в [буду], — попробуйте-ка сейчас простому носителю русского языка сказать: «А можешь ли ты произнести не только [буду], но и [бо^ндо^н]?». Довольно очевидно, что без тренировки, без специального обучения у него [бо^ндо^н] не получится: в современном русском языке никакого [о^н] не осталось. Таков первый тип возможных изменений, когда после того, как изменение произошло, прежний вариант ушёл из языка и чисто фонетически невозможен.

Второй же тип изменений состоит в том, что изменение было, но и неизменённая форма, вообще говоря, тоже совершенно допустима по нормам языка — при желании носитель языка может произнести и первую форму, и вторую. Другое дело, что он обычно предпочитает какую-то одну — как правило, ту вторую, в которую нечто перешло, но когда ему скажут: «Ты знаешь, это произошло из того-то, вот попробуй это прежнее произнести» — он может произнести и это без труда. Возьмем название озера *Селигер*. Хорошо известно из старых памятников, что его древнее название — *Серегер* (*Серегірь*), с *р* во втором слоге. Название идёт из финского языка, и это *р* из финского *särki* ‘плотва’. В какой-то момент *Серегер* изменилось в *Селигер*. Но это не значит, что мы не можем произнести *Серегер*; нам сейчас так же легко произнести *Серегер*, как и *Селигер*. Другое дело, что мы уже привыкли к названию *Селигер*. Но если нам кто-то объяснит, что прежнее произнесение было *Серегер*, и даже ещё какой-нибудь педант скажет: «А давайте говорить по-древнему», — то осуществить это каждый из нас может. Это совсем не та ситуация, что с [бо^ндо^н], где вы никакого [о^н] без тренировки не произнесёте, а просто

то, что возникает две возможности, то есть оба варианта сосуществуют. Ещё пример: имя *Меркурий*, которое было в своё время не только имя планеты, но и просто имя обычного человека (оно сохраняется и сейчас в фамилии *Меркурьев*), подверглось примерно такому же изменению, как в слове *Селигер*, и приобрело форму *Меркул* (из *Меркур*). И мы можем сейчас выбирать — и, кстати, существуют обе фамилии: *Меркулов* и *Меркурьев*. Обе свободно укладываются в возможности современного русского языка, при том что между ними лежит фонетическое изменение — изменение, которое лингвисты называют **диссимиляцией (расподоблением)**, состоявшее в том, что в *Меркур* второе *р* перешло в *л*. Это тоже переход из одной фонемы в другую, но такой, который не лишает носителя языка возможности произнести и старую форму, если его попросят или если она почему-нибудь понадобится. Это второй тип.

Разница между первым и вторым типом оказывается для лингвистики весьма существенной. В частности, для тех проблем, которые мы сегодня будем рассматривать, она тоже будет важна. Тут примеров довольно много. При изменении второго типа довольно часто возникают варианты, как *Меркулов* и *Меркурьев*. Могут быть и очень близкие слова, в которых, однако, в одном произошло изменение, а в другом нет. Например, это часто бывает в заимствованных словах. Так, слово *флюгер* произошло из *флюгель*. В исходном голландском и шведском слове было *vleugel*. Далее произошла диссимиляция, и сейчас мы уже говорим *флюгер*. А в очень похожем слове *флигель* этого не произошло, при почти одинаковой исходной форме. Так что по-русски, конечно, нет никакого труда произнести и *флюгель* тоже, раз мы можем произнести *флигель*.

Такая картина изменений на самом деле имеет и более широкое значение, и я сильно подозреваю, что она ещё недооценена в работах по исторической фонетике, где многое было бы более легко объяснимо, если бы это принималось во внимание более постоянно. Собственно, это вопрос о том, насколько последовательно происходит какое-то изменение. Изменение первого рода — совершенно всеобщее и последовательное: во всех случаях, когда было [o^h], оно стало [y]. Не то чтобы два-три слова застряли и остались по-русски с этим [o^h] — нет таких «застрявших» слов. Тем самым, эту группу изменений можно назвать **всеобщими**

фонетическими изменениями. А во второй группе почти всегда бывает так, что часть слов закрепились в изменённом виде, а часть слов осталась в прежнем — как *флюгер* и *флигель*. Примеров можно привести очень много, но я думаю, что в этом уже нет необходимости. Вы видите, что имеются **всеобщие** фонетические изменения, которые охватывают неумолимо все слова, где встречалась старая фонема, и **частные** фонетические изменения, где что-то может фонетически измениться, но старая форма тоже может остаться, и потом уже установится какое-то распределение. Всегда, когда имеются два варианта, возможных для произнесения, вступают в действие новые факторы, например одно слово часто употребляется, другое редко, одно слово уже попало каким-то образом в узус литературной речи и там закрепляется, другое осталось в основном в речи крестьянства, в говорах; и так далее. Целый ряд этих посторонних факторов ведёт к тому, что в каких-то случаях изменение закрепились, в каких-то не закрепились. И тем самым оправдывается такое название этого типа изменений, как **частные** фонетические изменения, то есть происходящие в **части** случаев, но не всегда, не везде.

Вот это первое важное — в математике это, наверное, называлось бы лемма — для того, чем мы будем заниматься дальше. Теперь нужно ещё одно такое предварение из области общей лингвистики, которое тоже будет для нас существенно. Об этом был разговор в других лекциях, поэтому я скажу довольно кратко. Я думаю, вы это уже в общем слышали и знаете, что существует общее противопоставление двух подходов к изучению явлений языка — изучение так называемое **синхроническое** и изучение **диахроническое**. Синхроническое — то есть по состоянию на данный момент, как именно сейчас функционирует русский язык, какие синхронно в нём имеются правила. А диахроническое — так сказать, через цепь времён — это изучение историческое: как что-то развивалось во времени. Соответственно, для одного и того же фрагмента языка или какой-то группы языковых явлений можно иметь чисто синхроническое описание, то есть правила о том, как образуются формы, как строятся предложения и так далее, и диахроническое описание, показывающее то, как это менялось во времени, от древнего периода к нынешнему.

Довольно часто эти описания оказываются хорошо соответствующими друг другу, и по неслучайной причине. Простой пример: скажем, в синхронном описании у вас есть раздел чередований, среди многих чередований есть, допустим, $k \sim \text{ч}$. И может работать такое правило (я даю его упрощённо, потому что в детали нам сейчас нет нужды вникать), что если основа заканчивается на k , а суффикс начинается на и , то это k должно перейти в ч — скажем, *велик*, но *величина*, *увеличить*, *рука*, но *ручища*, *приручить* и т. д. Вот такое синхроническое правило. Оно очень просто соответствует диахронической констатации, состоящей в том, что какое-то время назад (очень большое, но это уже не важно) произошло событие перехода сочетания *ки* в *чи* — то, что у лингвистов называется **палатализацией**. В данном случае синхроническое правило и диахроническое правило очень просто соответствуют друг другу. Они в сущности различаются между собой, так сказать, только формулировками.

Но это не всегда так — и это будет для нас существенно. Вот другой пример, где нет соответствия между историей и наилучшим синхроническим описанием. Возьмём описание склонения существительных женского рода: *вода*, *река*, *рыба* и т. д. В этом описании должно быть, в частности, сказано, что в Р. п. мн. ч. будет окончание *ноль*, верно? *Вода* — *вод*, *рыба* — *рыб...* и т. д. Но будет ещё дополнительное правило: если основа оканчивается на две согласных, то в Р. п. мн. ч. появится вставная гласная, *о* или *е*; например, *палка* — Р. п. будет уже не *палк*, а *палок*; *рыбка* — уже не *рыбк*, а *рыбок*; *ветка* — не *ветк*, а *веток* и т. д. Это полноценное, хорошо работающее синхроническое правило (опять-таки, в мелкие детали я не вдаюсь). Но истории оно не соответствует! Исторически дело было совсем иначе, совсем наоборот: вовсе не верно, что что-то вставилось в Р. п. мн. ч. Было *палька*, между *л* и *к* была гласная, которая записывалась в виде того, что мы сейчас называем твёрдым знаком. Соответственно, в Р. п. мн. ч. это было *пальк-ъ* (с окончанием *-ъ*, подобно тому, как в И. п. *пальк-а* было окончание *-а*). А некоторая гласная между *л* и *к* была в древности всегда, в дальнейшем же она исчезла во всех формах, кроме Р. п. мн. ч. То есть историческая правда здесь противоположна тому синхроническому описанию, которое сейчас, конечно, является совершенно разумным. Понимаете? И не следует думать, что такое расхождение — это какая-то

ошибка в том или в другом описании. Нет, это совершенно естественное обстоятельство, связанное с тем, что могут быть такие случаи исторического развития, когда синхронное правило должно оказаться не таким, как диктует история. Вот это второе предупреждение, которое тоже нам понадобится.

Пойдём дальше. Тут я, пожалуй, немножко поиграю с вами в одном вполне техническом вопросе, с тем чтобы понять, как выразаться. Допустим, я напишу вам какое-нибудь слово, например *география*, и буду вас спрашивать о значении некоторых рабочих, технических слов — про которые вы, конечно, в первый момент будете думать, что нет ничего проще. Но я надеюсь вам показать, что в некоторых случаях русский язык оказывается не таким простым инструментом. Слова будут вот какие: *спереди* и *сзади*, *передний* и *задний*, *перёд* и *зад*. Нет ничего проще, верно? Нет ничего несомненной, что вы знаете, что такое *передний* и что такое *задний*, что такое *вперёд* и что такое *назад*. Тем не менее давайте я несколько вопросов вам задам, и посмотрим, что получится.

Какая буква стоит *спереди* в том слове, которое я написал? Произнесите её громко.

Аудитория: Г!

А.З.: Все согласны, что г? Какая буква стоит сзади в том слове, которое я написал?

Из аудитории: А, чёрт!

А.З.: Нет, буква, буква. А — это звук.

Аудитория: Я!

А.З.: Буква я, согласен с вами. Согласились, да? Запомните это. Значит, что стоит спереди у этого слова?

Аудитория: Г.

А.З.: Г. Правда, да? Хорошо. Это мы с вами запомнили. Теперь дальше. Поскольку нам придётся иметь дело с ударениями, то давайте посмотрим так. Я сообщаю такой для вас неожиданный факт, что примерно до XVIII века ударение в этом слове было такое: *географ́ия*. И сейчас есть довольно много слов на *-ия*, но *география* в их состав не входит. В какой-то момент такое ударение сменилось на другое — и стало, тем самым, *географ́ия*, которое для вас уже совершенно привычно. Я вам задаю следующий вопрос: ударение перешло вперёд или назад?

Аудитория: Назад! Вперёд!

А.З.: Так. Кто считает, что это надо назвать «ударение перешло назад»?.. Спасибо. Кто считает что это надо назвать «ударение перешло вперёд»?.. Нет, не надо руки два раза поднимать... Ага. Ну вы понимаете, что ж такое, вы же все носители русского языка — значит, вы не знаете, где перёд, где зад? (*Смех в аудитории.*)

Из аудитории: Ну, есть два понятия — направление движения и... положение.

А.З.: Ну, если вы целую теорию изложили, то будет, конечно, как-то такое понятно, но, очевидно, присутствующие здесь — все, кто участвовал, — не знают этой теории, раз сейчас половина голосовала не так, как вы хотите, верно?

Из аудитории: Может быть.

А.З.: Именно, совершенно верно. Речь идёт не о теории, а о знании русского языка. Знание русского языка нам, безусловно, всем дано раньше, чем мы изучили какие бы то ни было лингвистические теории, и вот какой результат голосования, оказывается. Но не все голосовали, кстати. Сумма не совпала, многие оказались в невозможности голосовать ни за, ни против. Смотрите: существуют понятия «сдвиг ударения вперёд» и «сдвиг ударения назад», а выясняется, что после того, как вам такое скажут, вы не знаете, куда оно сдвигается. (*Смех в аудитории.*)

К сожалению, когда конкретный человек для себя эту проблему решает, он не знает, что голосование будет пополам. Он думает, что как он решил, так и есть. И, увы, он часто оказывается автором сочинений на тему о русском ударении. (*Смех в аудитории.*) И выражается так, как ему совершенно естественно, потому что ему кажется, что тут сомневаться не в чем, — а смотрите, что на самом деле происходит.

На самом деле это можно объяснить; я согласен, что ваша теория совершенно верна: это вопрос о том, как себе представлять, что движется куда. Если это перёд, а это зад (как вам кажется естественным), то смотрите тогда, как слова движутся во фразе: они же задом наперёд тогда идут! Это некоторый парадокс движения: всё зависит от того, как вы смотрите на это — с точки зрения движения объекта мимо вас или же в какой-то момент движение для вас застывает, и вы проходите глазами от передней части объекта до задней.

Это вам такое небольшое развлечение на тему о том, что дурно в вопросе, в частности, ударения говорить «сдвиг вперёд» или «сдвиг назад»,

поскольку десять раз придётся оправдываться перед читателями, писать «Я имею в виду то-то и то-то». Поэтому я всегда пользуюсь только выражениями «сдвиг влево» и «сдвиг вправо», в соответствии с нашим письменным навыком. И тогда уже совершенно ясно, что это был сдвиг влево. Ну вот с этим предупреждением я с вами о сдвиге влево немного поговорю.

Из аудитории: То есть какой-то принятой нету системы обозначений?

А.З.: Вот я считаю, что нужно считать принятым «левый / влево». Достигнуто это уже или нет? Нет, ещё не достигнуто. Это такое пожелание.

Н. В. Перцов: Андрей Анатольевич, можно я объясню? Дело в том, что *начало / середина / конец слова* — нормальные русские словосочетания, а *перёд / зад слова* — не знаю, это странно звучит...

А.З.: Ну, уверяю вас, в разных задачах... «Что стоит спереди у *зайца*?»...

Н.П.: *Спереди* — да.

А.З.: «У *зайца* спереди стоит з» — это, мы знаем, ответ на разные детские задачи, так что, безусловно, такое выражение используется.

Из аудитории: Почему за исходное берётся не отдельная единица, а берётся цепочка?

А.З.: Ну, это каждый раз надо договариваться с читателем. Какой же это русский язык, если при каждом слове нужен маленький комментарий — и даже не маленький? Такого рода опасными техниками не стоит пользоваться. Ну хорошо, об этом достаточно.

Итак, о некоторых случаях сдвига влево. Пойдёт речь о сочетаниях вот каких: «гласная + другая гласная»; две гласных, из которых вторая — так называемая узкая гласная: *и* или *у*. Это сочетания типа *ai*, *ei*, *au*, *eu* и т. д.

Сочетание типа *ai* во многих языках и во многих ситуациях имеет тенденцию превратиться из двух слогов в один — типа *ai*. Смотрите, например: окончание повелительного наклонения в русском языке — это обычно *-и*, верно? *Вези, бери, ходи...* В чистых случаях совершенно ясно, что окончание *-и*. А от глагола *стоять* будет *стой*, верно? Как вы думаете, что произошло? Довольно очевидно: это *сто́и* каким-то образом стянулось в слово *стой*. Есть и много других примеров. Вот имя *Михаил*, а отчество от него будет уже не *Михаилович*, а *Михайлович*. Это точно такой же эффект: две гласные, из которых вторая — *и*, превращаются в один слог, и, естественно, если ударение было на *и*, то оно оказывается на этом единственном слоге. То есть реально это означает, что ударение, которое было на *и* в слове *Михаил*, перемещается на *а* в слове *Михайлович*. Это такой простой пример сдвига влево в этих сочетаниях. В нормальном случае это происходит в примерах, где слог *и* — так называемый **открытый**, то есть после него уже нет согласных в пределах того же слога, скажем, *Ми-ха-и-ло-вич*. Иное положение в *Ми-ха-ил*, где последний слог закрытый — *ил*, и *Михаил* имеет ударение, с которым ничего не произошло: *Михаи́л*, как есть, тогда как в *Михайлович* *и* своё ударение отдаёт влево звуку *а*, а само превращается в *й*. Совершенно так же устроены всякие имена типа *Измайлович*, *Самойлович* и примеры типа *стой*, *пой* (от *петь*) и т. д. Итак, если имеется сочетание «гласная + *и*», то ударение с этого *и* может уйти на гласную, если слог открытый.

Но этого мало — в русском языке мы найдём примеры, когда такой эффект распространяется также и на закрытый слог. Вот каким образом. Возьмём слово *воин*. Исторически в этом слове ударение было *вои́н* — такое же, как в *армяни́н*, *гражда́нин* и т. д. От него Р. п. — *воина*, где первоначально было тоже *во-и́-на*, и имел место тот же самый эффект, что и в *Михайлович*: *вои́на* перешло в *во́ина*. А дальше происходили уже нефонетические события: формы *во́ина*, *во́ину*, *во́инам*, *во́ины* и т. д., то есть все остальные формы склонения этого слова начинают влиять на исходную форму, и она тоже приобретает такое же ударение *во́ин*. Вместо *вои́н* получается *во́ин*, хотя здесь слог закрытый. Точно так же и в именах бывают и варианты *Миха́ил*, *Изма́ил*. Иногда такие варианты даже закрепляются. Так, *Изра́иль* закрепилось именно в этой форме, хотя первоначально должно было быть *Израи́ль*, Р. п. *Израи́ля*. Так что, вообще

говоря, ограничение, что это должно быть только в открытом слоге, может быть преодолено в истории русского языка.

Это для *и*. А теперь для *у*. Для *у* ситуация немного не такая, как для *и*, вот почему: потому что в русском языке у *и* есть его родной, так сказать, вариант *й*: по-русски есть и *аи*, и *ай*. А вот для *ау* такого варианта в русском языке нет. Таким вариантом для *ау* должно быть [aw]. Но это [w] есть в украинском, в белорусском, есть во многих других языках, а в русском языке его нет. Поэтому по-русски полной аналогии с *ай* не получается. Тем не менее такое же движение ударения есть: оно есть в прекрасно вам известном слове *завтра*. *Завтра*, как вы все знаете, происходит из *за утра*. Это древняя синтаксическая конструкция, в которой предлог *за* управлял родительным падежом. Сейчас этой конструкции больше нет: *за* уже никогда родительным падежом не управляет. Слово *утро* имеет ударение на *у* — у вас нет никаких сомнений, что это *у́тро*, а не *утро́*. Так что форма была, конечно, *зау́тра*,

но вот она превратилась в *зáвтра*. Ну, вы ведь понимаете, что это совершенно тот же эффект, как в *Михаил: Михаи́л — Миха́йла*, только здесь выступает не *и*, а *у*. Так что *и* и *у* могут себя вести одинаково. Заметим, что если бы это был украинский или белорусский язык или хотя бы русский западный говор, допустим смоленский, то произносилось бы просто *за[w]тра*, с таким же [w], как в английском, которое было бы полным аналогом русского *й*, только для *у*. Но в современном литературном русском языке этого нет, и у нас это уже просто *в*, которое вдобавок в слове *завтра* уже звучит как [ф]. Но для нас здесь главное то, что вместо *зау́тра* ударение сейчас в другом месте — *зáвтра*.

Давайте теперь проверим, что же это за изменение по той классификации, которую я вам изложил. Это, конечно, фонетическое изменение: ясно, что причиной того, что здесь что-то изменилось, является фонетика, а не какая-нибудь смена падежей или окончаний. И столь же ясно, что из двух подтипов это подтип частного фонетического изменения. Почему? Да потому, что мы и сейчас можем сказать *зау́тра*; более того, слово *зау́тра* всё ещё остаётся в поэзии. И ничто нам не мешает, следовательно, произнести и *зау́тра*, когда мы этого специально захотим, и обычное *зáвтра*. То есть изменение произошло — и оно закрепилось, оно литературно, прочно, — но первоначальная форма слова тоже для русского языка возможна. Поэтому не следует удивляться, что в каких-то других случаях этого не произошло.

И.И.: Есть слово *заутреня*.

А.З.: Конечно! Ровно это следующее я и хотел сказать. Есть слово *заутреня*, которое, кстати, прекрасно фиксируется также в форме *зáвтреня* в говорах и в старорусских текстах, то есть совершенно такая же парность, как *завтра* и *зау́тра*, была и для *зáвтреня* и *зау́треня*. Но вот *завтра* оказалось в литературном языке в форме *завтра*, а *заутреня* — в форме *заутреня*. И каждый из нас знает, что правильно говорить *завтра* и правильно говорить *заутреня*, а наоборот — неправильно, при том что исходная фонетическая структура здесь одинакова — просто одно вошло в литературный язык, а другое

осталось за его рамками. Чистая иллюстрация того, что я вам рассказывал в общем виде о частных фонетических изменениях.

Итак, частный фонетический переход сочетаний типа *ai* и *au* в *ai* и *a[w]* фиксируется в русском языке в достаточно большом количестве слов. Даже в литературном языке мы найдём какое-то их число, а в памятниках и в говорах этого ещё гораздо больше. И ещё, пожалуй, один любопытный пример я вам укажу, который я сам нашёл сравнительно недавно — напал почти случайно на то, как у Даля изображается звук, который издаёт кошка. Для вас будет неожиданностью: Даль пишет, что кошка издаёт звук *мяу!*, с явно проставленным ударением на *у*. Ну кто из вас сейчас скажет *мяу?* *Мяу* сейчас по-русски, верно? А то, что, конечно, было *мяу*, нечего и доказывать — ведь есть глагол *мяу́кать!* И в то же время у него есть вариант *мявкать*.

Н.П.: *Мявкать* в современном языке есть?

А.З.: Есть, конечно! Ну, в не очень литературном... Я думаю, каждый из вас понимает, что можно про кошку сказать, что она *мявкает*, так что тут такая же парность: *мяу* прочно изменилось в *мяу*, и сейчас вы даже удивляетесь, когда я вам говорю *мяу*, и я сам удивился, когда у Даля это нашёл; а *мяу́кать* прекрасно сохраняется, хотя тот же механизм должен дать *мявкать*; и он его дал в говорах — ну, или в такой не очень литературной речи. Можно и ещё некоторые примеры привести, но эти мне особенно нравятся.

И.И.: Андрей Анатольевич, это ведь французское заимствование, да? Потому и *мяу*?

А.З.: Ну... это настолько звукоподражательно, что говорить о чистых заимствованиях в этих случаях было бы рискованно. Но не будем дальше. А впрочем, один пример, пожалуй, ещё приведу, это из говоров уже: как может называться *паук*. *Паук* — в этой форме ничего не должно меняться, а вот в форме *паука*... Если ударение ещё раньше было *пау́ка*, а не *паука́* — а действительно, такое ударение могло быть, — от него должно было получиться *пау́ка*. И это *пау́ка* отмечается как название паука в говорах;

а если это говор с *ф*, то это уже будет просто *пáфка*. Дальше это уже может ассоциироваться с *Павлом*, и тогда это уже дополнительный эффект.

Пожалуй, ещё один случай, выходящий за пределы чистой истории, вам расскажу: это слово *заумь*. По свидетельству современников, у этого слова есть автор — это Кручёных. Он его изобрёл просто чисто изобретательским способом: от слова *заумный*, которое существовало и без него, он произвёл такое существительное *заумь*. Казалось бы, всё хорошо, но вы же слышите, что в слове *заумный* другое ударение. Так вот в книжке Бориса Слуцкого, который рассказывает об этих делах прошлого, мы находим следующее свидетельство: что это слово, как и слово *бездарь* (я нарочно произношу без ударения), сначала произносилось с ударением на втором слоге. То есть изобрёл его Кручёных как *зау́мь*. А стало оно *за́умь*, после того как получило некоторую популярность, и уже не один-два-три человека стали его произносить, а сотни. Сейчас мы все знаем это слово, и знаем его только с ударением *за́умь*. Тот же эффект *áу* из *ау́*, в данном случае даже в закрытом слоге.

Маленькое попутное замечание: если посмотреть замечательный словарь Еськовой о формах русского языка XVIII–XIX веков, изданный в 2008 году, то там, среди прочего, мы найдём любопытные свидетельства о том, что в памятниках XVIII–XIX века имеется много примеров вот какого ударения со словом *это*: *за́ это, на́ это, прó это, на́ этом, на́ этой* и т. д. Что за чудеса? Разгадка: э в русском языке в данном случае, хотя это звук среднего подъёма, а не верхнего, действует как *и*. То есть оно может и произноситься довольно близко к чему-то типа *и*: *на́ [и³]то*. И тогда эффект точно такой же, какой я описываю вам для *аи́* и *ау́*. Так что, как видите, этот эффект действует довольно широко.

Следующая тема. Это тема очень интересная, лишь отчасти связанная с предыдущей, но имеющая с ней то общее, что обсуждается перенос ударения влево. Я обращаюсь к группе слов, на которую научное внимание впервые обратил присутствующий здесь Илья Борисович Иткин и дал ей прелестное название «Четыре у». В его работе 2009 года

«Акцентологические заметки» целый раздел называется так: «Четыре у: об одном случае оттяжки ударения с беглого гласного». *Оттяжка ударения* — это технический термин, означающий передвижение влево, так что считайте, что *оттяжка* и *сдвиг* (или *передвижение*) влево — это синонимы.

И.И. (с улыбкой): Про *назад* — *вперёд* я ничего не писал.

А.З.: Ничего не писали, нет; в этом смысле ни малейшей претензии, всё совершенно правильно. Итак, об одном случае оттяжки ударения с беглого гласного. Что же это за группа? Группа действительно замечательная. Смотрите: нормально в русском языке существует сколько угодно слов с беглой гласной типа *ковёр* — *ковра*, *кусок* — *куска*, *кулёк* — *кулька* и т. д. Если ударение в таких словах на окончаниях — *кулька́*, *кульку́*, *кулько́м*; *куска́*, *куску́*, *куско́м*, — то в исходной форме будет ударение типа *кусо́к*: *кусо́к*, *кулёк*, *орёл*, *ковёр*, *шатёр* и т. д. И вот оказывается, что из этого общего правила есть четыре исключения. Эти четыре исключения следующие (ну, четыре или пять, если считать, что *угорь* является парой омонимов): *узел*, но *узла́*, *уголь*, но *угля́* (тут, правда, бывает и *у́гля*, и *угля́*, но сейчас побеждает вариант *угля́*), *угорь* — *угря́* и *угол* — *угла́*. Во всех случаях, как вы видите, соотношение ударений не такое, как в классических *кулёк* — *кулька́*, *кусок* — *куска́*, *орёл* — *орла́*, *ковёр* — *ковра́*, *шатёр* — *шатра́* и т. д. То есть в общую схему это не лезет: все остальные формы будут совершенно последовательно *узла́*, *узлу́*, *узло́м* и т. д., *угла́*, *углу́*, *уголо́м* и т. д., а исходный И. п. ед. ч. с ударением, нарушающим общее правило.

Здесь я должен предупредить вас — вернее, напомнить о том, что работа, о которой я говорю, является синхроническим описанием, не касающимся истории вопроса. То есть она должна установить только то, каким правилом это можно описать. В работе Ильи Борисовича предложено следующее правило: если имеется последовательность *у + согласная + беглая гласная + р/л*, то при наличии такого сочетания слово не подчиняется общему правилу об ударении типа *кулёк* — *кулькá*, *кусóк* — *кускá*, а вместо этого в исходной форме ударение будет на один слог левее, или, что то же самое, будет оттяжка влево.

На всякий случай скажу, что формулу «оттяжка влево» вы часто воспринимаете так: поскольку слово *оттяжка* — это процесс, то кажется, что это историческая констатация. Но у синхронистов это не означает исторической констатации. В синхроническом описании это всего лишь сообщение о том, что ударение реально находится на один слог левее, чем

ожидается по общему правилу. Но, конечно, слово *оттяжка* в этом смысле немножко склоняет читателя к ложному пониманию, что сообщается о некотором историческом событии.

Правило довольно сложное, но в нём оказываются необходимыми, действительно, все его элементы. В самом деле, смотрите, если соблюдается всё остальное, но не *у* — особого ударения в И. п. не будет: *орёл* — *орла́*. Или, допустим, есть *у*, есть беглость, но не *р/л* — и вот есть слово *уто́к* — *утка́*, совершенно как *орёл* — *орла́* (это такое редкое слово, не знаю, многие ли из вас его знают: *уток* — одно из двух направлений ткани в ткацком станке). Почему? Потому что последнее *к*, а не *р/л*. И так далее. Так что, действительно, все четыре условия, которые указаны в правиле, должны быть соблюдены — и тогда правило работает.

Синхронное правило совершенно безупречно, к нему у меня претензий нет. Претензия у меня к Илье Борисовичу состоит всего лишь в одной фразе, которую он всё-таки не удержался и добавил, хотя это было необязательно, поскольку он не собирался ничего утверждать исторического — даже более того, об этом прямо и сказано. Эта добавленная фраза такова: «Может ли стоять за этим правилом какая-нибудь историко-фонетическая реальность? Как нам представляется, ответ на этот вопрос должен быть отрицательным». То есть никакой исторической реальности за этим не стоит, это чистая синхроническая констатация. И вот против этого я буду возражать и надеюсь, что представлю свидетельства того, что историческая реальность здесь стоит, но вы увидите, насколько она не похожа на синхронную.

Историческая реальность будет проверяться очень просто: поскольку у меня в большом количестве имеется материал по ударению XIV–XVII веков, то по крайней мере для частых слов из этой группы имеется достаточно примеров, чтобы решительно утверждать, каким было ударение этих слов в эти века — до XVII века. Я эти данные выпишу. Для слова *узел* ударение, несомненно, было такое, только в начале тут не было беглой гласной: *у́зль*. Беглая гласная появилась потом как вставная. Во всех формах ударение было на основе: *у́зла*, *у́злу*, *у́злом* и т. д. *Уголь* имел вид *у́гль*, *у́гля* — и то же самое:

ударение по всему ряду на основе. *Угорь* — немножко менее надёжное свидетельство, поскольку слово редкое, примеров мало, поэтому тут есть маленький элемент сомнения, но, тем не менее, имеющиеся источники указывают на (?) *у́грь*, *у́гря*. Тут есть некоторые сложности с тем угрём, который рыба, в отличие от того угря, который прыщ, но я не буду вас затруднять этими деталями, поэтому скажу лишь, что вот этот знак вопроса означает, что здесь есть некоторые трудности, но в целом решение такое же. И наконец, *у́гол* — несколько иначе, чем остальные, но не сильно, а именно, это было *у́гль* (в данном случае с *ъ* между *г* и *л*) и ударение *у́гла*, *у́глю*, *у́глом* и т. д. во всем единственном числе, а также в И. п. мн. ч. *у́глы*, и только в косвенных падежах мн. ч. выступало другое ударение. В единственном числе решительно вся эта группа никакого ударения на окончаниях не знала.

Таким образом, все эти нынешние ударения — *узла́*, *угля́*, *угря́*, *угла́* — исторически являются вовсе не исконными, а новыми. А наоборот, исходная форма, которая затрудняет современные описания, попросту говоря, сохраняет старое ударение. То есть нынешняя ситуация оказалась обратной с исторической точки зрения. Это как тот пример со словом *палка*, который я приводил, где синхронное описание совершенно не соответствует историческому. Историческое должно здесь в точности перевернуться.

Ударения *у́зел*, *у́горь*, *у́голь*, *у́гол* — древние, с ними ничего не случилось на протяжении веков, а вот эти нынешние ударения (*показывает на доске*) изменились: вместо *у́зла* стало *узла́*, вместо *у́гля* стало *угля́*, вместо *у́гла* стало *угла́* и т. д.

Так что никакого сдвига влево здесь нет, а здесь исторически сдвиг вправо, о котором пока что мы ещё ничего не знаем. Итак, в первый раз на этих примерах мы столкнулись со случаями, когда приходится констатировать сдвиг вправо: было *у́зла* — стало *узла́*, было *у́гля* — стало *угля́*, было *у́гря* — стало *угря́* и т. д. Смотрите: мы уже как бы освоили тему сдвигов влево — и вдруг приходит новая тема сдвига вправо.

И вот тут я должен сказать, что сыграло очень хорошую роль одно такое почти беглое замечание Сергея Болотова у нас на занятиях в Московском университете, когда мы занимались, в частности, примерами типа *зáвтра* из *зау́тра*. Он дерзко высказал идею, что ударение в словах типа *зау́тра* могло переходить не только влево, но и вправо. В общем виде это действительно такая дерзкая и смелая идея. Однако же довольно быстро стало ясно, что даже в том самом слове *утро*, которое вместо *зау́тра* дало *зáвтра*, имеется целый ряд форм со сдвигом вправо, например, *до утра́, поу́тру, в четыре часа утра́, до пяти утра́, до девяти утра́*. И дальше даже *с утра́*. Причем совершенно устойчиво. Целая серия форм со сдвигом вправо.

Значит, бывают и сдвиги вправо, и больше того, бывают в ситуации, весьма похожей на ту, в которой мы только что видели сдвиг влево. Так что эта идея оказалась очень плодотворной, дальше я уже её разрабатывал более внимательно, и вот что мы видим: действительно, в истории русского языка примеров сдвига вправо гораздо больше, чем раньше замечали.

Имеются и многочисленные примеры из старых памятников. Примеры *до утра́, поу́тру* и т. п. самые яркие, поскольку они закрепились. Но в памятниках находим также, например, *на Ильине ули́це*, при том что *у́лица* — всегда *у́лица*; это такой же сдвиг вправо на один слог, как и в *поу́тру*. Встречается в памятниках *по ули́цам* вместо *по у́лицам*, встречается *на Угле́че* вместо *на У́глече*, встречается *нос и уши́*. Это на *у*. Ещё больше примеров на *и*. Несколько из них закрепились в современном языке. Так, наше ударение *ино́й* — это древнее *и́ный*: ударение было *и́ный, и́ного, и́ному* и т. д., но затем полностью закрепились ударение со сдвигом на один слог вправо. Производное от *и́ный* слово *и́наче* возникло, конечно, из *и́наче*. Это *и́наче* до сих пор вполне может встретиться в речи; существуют оба варианта, *и́наче* и *и́наче*; *и́наче* считается основным литературным вариантом, а *и́наче* — допустимым. В памятниках есть и другие примеры — скажем, *исто́вый* вместо *и́стовый*. Есть пример *исти́на*, есть пример *игó*, есть пример *имя́*. Имеется несколько примеров в именах скандинавского происхождения, где первоначальное ударение несомненно было на первом слоге — скажем, *Игорь* встречается неоднократно

в виде *Иго́рь, Ивор* — в виде *Иво́р*. Сходным образом *И́верская божья мать* встречается в виде *Иве́рская*. Это целый ряд, где начальное *и* даёт такой сдвиг. Особенно важным является пример *идёт*, где сменилось устойчивое древнее ударение *и́дет*. Заметим, что есть ещё довольно большой список примеров, где в принципе возможно предполагать такой же сдвиг, но возможно также, что место ударения обусловлено не фонетическим, а некоторым иным фактором. Таковы, в частности, *ужа́с* вместо *у́жас*, *утва́рь* вместо *у́тварь*, *Усти́ог* вместо *У́с тюг*, *Иро́д* вместо *И́род*, *идо́л* вместо *и́дол*. Эту группу слов как аргумент использовать не следует; но, чтобы убедиться в существовании данного явления, вполне достаточно и совершенно безупречных примеров.

Итак, мы констатируем то удивительное, на первый взгляд, явление, что если в слове встречалось сочетание «гласная + *и* или *у* под ударением», то имелась возможность частного фонетического изменения в виде сдвига ударения либо влево, либо вправо. Естественно возникает вопрос: нет ли здесь всё-таки какого-то распределения? Не совсем же хаотически это употребляется.

Распределение, хотя, может быть, и не совсем чистое, действительно просвечивает. Оно состоит в следующем: если сдвиг происходит внутри слова, то есть внутри корня или на стыке корня с приставкой или окончанием, то ударение уходит влево. Таково изменение *сто́й* в *стой* или *Михаи́л* в *Миха́ил*. То же самое в *за́втра*: существенно, что здесь *за-* — уже не предлог, а приставка, то есть перед нами уже единое слово.

А в тех случаях, когда перед нами начальное *у* или *и*, а гласная перед ним — это конец предшествующего слова, в нормальном случае ударение уходит вправо. Такова основная схема распределения, поэтому *за́втра*, но *до утра́*.

Почему в каких-то случаях это новое ударение, сдвинутое вправо, становится постоянным свойством слова? Очевидно, начальной точкой служат некоторые частые сочетания (в основном с предлогами), а дальше ударение этих сочетаний обобщается на все употребления слова. Скажем,

у слова *иной*, которое прежде было *и́ный*, изменение, очевидно, начиналось с сочетаний типа *на и́ный*, *на и́ную* и т. п., которые становились *на ины́й*, *на ину́ю*, после чего большое количество этих форм с *ины́й*, *ину́ю* и т. д. обобщилось на все формы и все употребления этого слова.

Такова общая картина специфического явления, не замечавшегося ранее в курсах истории русского языка, — сдвига ударения влево или вправо с ударной узкой гласной (*и*, *у*), следующей за некоторой другой гласной.

Здесь остаётся ещё один маленький вопрос: почему ударение не сдвинулось в *узёл*, *уго́ль* в исходной форме. Но я не буду его подробно разбирать, поскольку для нашей основной цели это большой роли не играет, а между тем тут пришлось бы рассмотреть довольно сложные ходы. Грубо говоря, дело здесь в том, что в формах *узль*, *узьль* нет второй гласной, ударению сдвигаться просто некуда. Есть слоговое *л*, но, чтобы ударение на него сдвинулось, нужно, чтобы оно превратилось в сочетание с полноценной гласной. Таков ответ в первом приближении; а полный разбор я здесь опускаю — поскольку для того, к чему мы шли всё это время, нам уже больше ничего не нужно.

И вот теперь — хотя вы уже совсем забыли про слова *уже́* и *или́* — я могу вернуться к слову *уже*. Смотрите, вот наше слово *уже́* (*пишет на доске*). Оно очень часто выступает, например, в таком сочетании (*пишет «не уже́ ли»*); бывает и много других сочетаний, где предшествующее слово кончается на гласную: *я уже́*, *вы уже́*, *тогда уже́*, *то уже́* и т. п. Во всех этих случаях ударное *у* стоит после гласной. Как вы видите, это та самая ситуация, которая в других примерах приводила к сдвигу ударения с *у* (или *и*). То есть *уже́* вместо *уже́* — это совершенно такой же сдвиг, как *и́наче* вместо *и́наче*, *узли́* вместо *узля́*, *узли́* вместо *узли́*, *узли́* вместо *узли́* и т. д.

Новое ударение *уже́* постепенно закрепилось в литературном языке, причём так прочно, что мы уже не помним про прежнее *уже́*. То есть с этим словом случилось то же, что, например, со словом *иной*, которое тоже полностью закрепилось с новым ударением вместо *и́ный*.

Итак, длинная история с *уже* закончилась. Получен ответ на один из двух вопросов, поставленных в самом начале.

Перехожу к *или*. Но это не будет так длинно — по счастью, история с *или* во много раз короче, потому что гораздо проще.

Вообще говоря, здесь сама констатация наблюдаемых фактов не совсем гарантированно объективная. Ведь что мы знаем? — мы знаем, как это записывается в письменных памятниках. В письменных памятниках XV, XVI, XVII веков если над *или* есть знак ударения, то он всегда стоит над *ли*: *или́*. В памятниках XVIII века уже стоит знак ударения на первом *и*: *и́ли*. Но оказывается, что существеннейшая часть истории слова *или* должна описываться несколько иначе. Дело в том, что, если вы проверите себя, как вы произносите слово *или* в речи, вы быстро обнаружите, что вы его произносите ни с тем ударением, ни с другим. Вы произносите его полностью безударно — когда слово *или* употребляется в нормальной русской речи, ни первый, ни второй слог никакого ударения не несёт. Можете себя проверить: *я или ты* — никакого ударения в этом *или* там нет; *сейчас или потом* — точно то же. И в орфоэпическом словаре Еськовой это совершенно точно констатируется.

А что же тогда означает ударение *и́ли*, которое, как мы считаем, мы хорошо знаем? А вот, оказывается, что. Оказывается, что современный русский язык выработал следующую общую тенденцию, если угодно, общую привычку. Пусть имеется некоторая специальная ситуация, не речевая, а, так сказать, «метаречевая» — например, ученический разбор у доски, когда от ученика требуется написать предложение и разобрать каждое слово — указать его часть речи и т. д. При этом необходимо каждое слово произнести, причем произнести все слова подряд, в том числе и слово *или*, которое вовсе никакого ударения не имело в речи. И вот оказывается, что во всех таких случаях в таком «метапроизнесении» носитель русского языка ударяет первый слог.

Это значит, что никакого сдвига ударения в *или́* фактически не было. Была просто безударность, которая сейчас вот так реализуется в тех исключительных случаях — не обычных, не речевых, а, так сказать,

«обсуждательных», когда это слово ненормальным образом становится предметом целого отдельного произнесения. Потому что в нормальной речи оно никогда не бывает в отдельном произнесении, оно идёт между другими словами.

Легко убедиться, что весь ряд таких безударных слов ведёт себя так же. Смотрите: старое ударение было *чтобы́*, это в старых текстах фиксируется с полной определенностью. Сейчас мы говорим, что это *чтобы*, но это по той же причине — потому что на самом деле *чтобы* целиком безударно. Правда, иногда мы можем произнести это слово немного более отчётливо, но в нормальной речи оно безударно. То же с *дабы*: старое ударение было *дабы́* (но сейчас это слово уже устаревшее). У народного слова *коли́* старое ударение именно такое: *коли́*, никаких колебаний. Но сейчас, если вас спросить, что это за слово, вы скажете *ко́ли*. Старое *кабы́* — сейчас можно произнести и так, и так, но, во всяком случае, это вполне может быть *ка́бы*.

Голоса в аудитории: *Если бы да кабы́!*

А.З.: Да-да-да, из этого слова в такой фразе уже сделан не союз, а существительное. Конечно, совершенно верно!

Точно так же себя ведут предлоги. Так, раньше было *проти́в* (и *проти́ву*); ни один старый текст не даёт никакого другого ударения. А сейчас мы скажем, что это *про́тив*; но это просто тот же эффект. Про приставку *перед* мы скажем, что это *пе́ред*. Но заметьте, само понятие *произнести приставку* — это уже момент лингвистический, а не речевой. А если вы возьмёте существительное, будет *перёд*; но первоначально это же то же самое слово.

Так что весь этот ряд ясно свидетельствует о том, что современный русский язык выработал у нас с вами, носителей русского языка, одинаковый автоматический механизм, состоящий в том, что если безударное слово вы хотите всё-таки отдельно произнести, то вы ударяете его на первом слоге.

Вот так возникает то *и́ли*, в котором на первый взгляд ударение сдвинулось в обратную сторону по сравнению с *уже́*.

Н.П.: А объяснить как-нибудь можно, почему предпочитается первый слог?

А.З.: Правильно, я ждал этого вопроса. По этому поводу скажу следующее: что такое объяснение в нашей жизни, в особенности в гуманитарных науках? Это для какого-то факта найти предыдущий факт, из которого это будет вытекать. Это будет называться объяснением. Но про этот предыдущий факт всегда можно спросить: а он почему? Понимаете? А потом можно спросить про предыдущий факт второго ранга, третьего, четвёртого, десятого — и так, вообще говоря, до основ мироздания. Так что, грубо говоря, я не умею отвечать на ваш вопрос. Я знаю только на один шаг вглубь — а, вообще говоря, можно поинтересоваться и на два, а можно и на миллион. Потому что у того события будет тоже своя причина. Как известно, все первопричины должны знать не мы, а только высшее знание.

Е. В. Падучева: *Ах, Роза, или... вы не будете моею?*

А.З.: Ну, это имитация, конечно, Одессы. В том говоре это уже не союз, а вопросительное слово типа *разве*, тем самым уже не безударное.

Н.П.: А до того... в памятниках ставили-таки ударения на каких-то безударных словах, и над *или* они ставили ударение над вторым *и* — над *или́*, в памятниках?

А.З.: Да, тоже правильный вопрос. Думаю, что в памятниках, скажем, XVI века это ещё не была безударность. Конечно, там есть сколько угодно случаев, когда не стоит ударение, но что́ это — чистый пропуск знака ударения или безударность, я судить не могу. Важно то, что есть достаточное количество примеров, когда ударение стоит, и тогда это только *или́*.

Н.П.: Дело всё в том, что эти безударные слова могут стоять перед вводной какой-нибудь скобкой...

А.З.: Ну, естественно...

Н.П.: Нет, они могут употребляться не в изолированной позиции, а могут стоять перед скобкой. И тогда они должны быть как-то ударены, потому что дальше нет синтагмы, дальше...

А.З.: Ну, понятно. Но вы понимаете, что таких случаев, как вы говорите, будет один на двести.

Н.П.: Я привожу пример строки из «Онегина»: *Или (но это кроме шуток)*. Так вот у меня вопрос такой...

А.З.: Вы можете себе представить, с какой вероятностью текст такой структуры встретится в памятниках XVI века?

И.И. и др.: Андрей Анатольевич, там-то как раз *или́*! Там как раз *или́*, там ямбическая...

Н.П.: Там ямбическая строка. То есть, скорее всего, в XVIII — начале XIX века могли сказать и с ударением на втором слоге...

А.З.: А, в этом смысле?

Н.П.: Да.

А.З.: Да, тут я совершенно с вами согласен. Обязательно должно было быть так.

Н.П.: То есть если вы говорили, что в XVIII веке уже закрепилось...

А.З.: Я очень огрубил картину, когда сказал вам, что до конца XVII века *или́* было, а потом уже всё. Такого, кстати, и не бывает.

Н.П.: То есть всё-таки мы эту строчку произнесём *или* — но это редкий случай переакцентуации...

А.З.: Я не понял вашего пафоса. Но вы абсолютно правы.

Н.П.: Это редкий случай переакцентуации в строках поэзии... вот той самой поэзии...

А.З.: А вот и не переакцентуация — всего лишь старая акцентуация.

Н.П.: А всего лишь здесь произносили со старым — и не видели насилия над языком.

А.З.: Правильно. Да, я думаю, так. Это хороший пример, действительно, я его не знал, не знал, что до Пушкина ещё могла прийти эта возможность. У него есть и некоторые другие примеры, которые, действительно, вполне подходят...

Н.П.: С *или*?

А.З.: Нет-нет, по другому поводу, где видно, что очень старое ударение вдруг могло остаться, и оно вовсе не является какой-то специальной поэтической вольностью.

Н.П.: Я подозревал, что эту строчку тогда произносили *Или́* (но это кроме шуток) и это не было насилием каким-то.

А.З.: Да-да, несомненно так. Это очень хороший пример. Спасибо! Здорово. Всё! (*Аудитория аплодирует.*)

Т. В. Заболотская: Извините, пожалуйста, я попутно хочу спросить, я забыла: слог, который... Понятно, что «согласный + гласный» — слог открытый, но «согласный, сонорный и гласный» — это тоже открытый слог, да? *Зау́тра* потому что... Ну и похожее *Михайлович...*

А.З.: Да, конечно, *тра* — там нет слогораздела между *т* и *р*, *тр* идёт вместе.

Т. В. Заболотская: И это открытый слог.

А.З.: Да. Это как в латыни: *у-тра* — слог открытый.

Г. П. Морозова: Если вернуться к *узлам*, *углам* и *угрям* — у них у всех у первое. А есть ли такие примеры с *и* первым?

А.З.: Чтобы нашлось ещё и с беглой гласной, русский язык возможности нам не предоставил.

Г. П. Морозова: *Игл?*..

И.И.: Нет, женского рода есть, а вот мужского, кажется, нету.

А.З.: Там не перед гласной.

Из аудитории: А *иголка*?

А.З.: Ну да, но должно быть *игóл* — *игла́*. Мужского рода должно быть, а она *игла*...

И.И.: Ещё вопросы, друзья?

Е. Б. Феклистова: Андрей Анатольевич, а вот этот гласный, который появляется, — это по аналогии он появляется — *игол*, потому что... вдруг появляется *угол* в современном русском?..

А.З.: Ну, *угол* как раз, если посмотреть, это единственное из этой группы, где гласная и раньше была.

Е.Ф.: Ой, не *угол*, а *узел*.

А.З.: Узел — да.

Е.Ф.: Просто по аналогии?

А.З.: Может быть, даже необязательно здесь к аналогии апеллировать — там первоначально получается *узл*, *л* — это слоговое *л*. Оно разлагается довольно легко на маленькую гласную, очень неопределённого тембра, и *л*. Вот эта гласная может быть *узъл*, может быть чуть-чуть мягче. Замечательно, что *узел* имеет два варианта в старых текстах: одно *узел*, как у нас с вами, другое *узол*.

Е.Ф.: Дети пишут часто *руболь*, когда их просишь написать, *рубель*, да?

А.З.: Да, *руболь* — это очень хорошо. Очень правильно. Они не должны писать *рубель* — потому что это возможно только в том случае, если они говорят *рубель*. Но *рубель* они не говорят, они говорят *рубль*. Мы пишем *рубль*, без всякой гласной, но реально произносим обычно тоже в два слога: не один слог [рубл’], а два слога [рубъл’]. Причём каждый раз просто *л* продлевается, гласная почти не слышна. И она не даёт мягкости сейчас — [рубъл’]. А те слова, которые с мягкостью, как, например, *ветер*, который точно так же был *ветр*, — это древнее событие, на пару столетий раньше происшедшее, там успела ещё мягкость появиться. Поэтому по-русски вариант *рубель* — это, вообще говоря, старый вариант, но он остался...

Е.Ф.: И к нему нельзя вернуться как раз из-за тех изменений, о которых Вы говорили?..

А.З.: Да. Сейчас есть два разных варианта: *рубель* — это просторечие или говоры, а *рубль* — это нормальный литературный вариант, и поэт имеет право *рубль* использовать как два слога.

Е.Ф.: И утвердился, получается, *узел* по аналогии, потому что у нас сейчас *рубль* — *руболь* никак не утверждается, потому что...

А.З.: Узел — это как *рубель*. А *узол* твёрдый — да. Оба варианта есть.

Из аудитории: А когда появляется *иль*?

А.З.: И *уж* — то же самое. В XVII веке вполне уже возможно, но это ничего не доказывает, потому что там, где конечная гласная была обречена на падение, она уже падала независимо от того, было ударение или нет.

Из аудитории: Но если это было *или́* — почему же она обречена на падение?

А.З.: Вот я и говорю — даже несмотря на ударность. Например, было ударение *взятí* — оно превратилось во *взять*, и всё тут. Отпала конечная гласная *и*, хотя она была под ударением. Мы сейчас уже не знаем, что было такое ударение *взятí*, но оно было именно такое. Так что это такой особый эффект: падение гласной могло быть сильнее вопроса об ударении.

Из аудитории: У меня вопрос, может быть, несколько общий, про древнерусскую ситуацию. Допустим, у нас есть какое-нибудь заимствованное слово из античности, да? Из Византии. Как ударение себя ведёт — оно изменяется под стать законам древнерусского ударения или что с ним происходит?

А.З.: Да, совершенно точно, именно такая проблема. Некоторая конкуренция между ударениями, которые копируются с греческого, и ударениями, которые более удобны для русского языка. Первоначально обычно копирование с греческого. Вот Чудовский Новый завет XIV века: большинство заимствований из греческого имеет греческое ударение. Из них немало слов через двести лет мы находим уже с ударением сменённым, которое более похоже на русское.

Из аудитории: Есть ещё какие-то имена наподобие *Михаила*?

А.З.: На *-ил* все идут, их довольно много: *Рагуил*, *Самуил*... там, может быть, *Сатанаил*... И слов другой структуры тоже немножко есть.

И.И.: Андрей Анатольевич, *Даниил* хороший пример: будет *Данилович*, потому что не *Дани́лович*.

А.З.: Ну, *Даниил* и *Гавриил* — в них не *а*, а *и* перед этим *и*... Они хотя из этого же ряда, но непосредственно для этого механизма там нет оснований.

Ну, если всё, то всё.

И.И.: Тогда ещё раз большое спасибо!